

После нескольких часов стирки в горячей мыльной воде одна адвентистка, из деревни Джексон, штат Мичиган, развешивала белье. В это время живущая напротив соседка, яро ненавидящая соблюдающих субботу, вдруг выплеснула из окна лохань с водой и обдала грязью только что выстиранное белье.

"Ты... ты ведьма!" — заплакала женщина-адвентистка, заливаясь горячими слезами, снимая белье для повторной стирки.

Неизбежно прошел слух о высказанном слове, или, даже, скорее, различные слухи. В те дни доброе слово церкви прежде всего зависело от каждого члена. Поэтому по поводу этого поступка в доме кузнеца Дона Пальмера, местного адвентистского руководителя, состоялось собрание Х. С. Кейс и К. П. Рассел, — двое из немногих более или менее признанных, хотя и не рукоположенных официально служителей того времени, — сурово выговаривали женщине и обвинили ее в использовании непристойного слова. Она же упорно настаивала на том, что не произносила его. Некоторые благочестивые члены вскоре предложили помолиться об этом и в то время, когда группа была на коленях, Елена Уайт, оказавшаяся здесь проездом с мужем, получила видение. По приглашению брата Уайта, Рассел и Кейс тщательно обследовали ее и убедились, что она действительно находится в состоянии видения. Когда видение закончилось, сестра Уайт заявила, что Бог открыл ей дело этой женщины. Она действительно поступила плохо. Однако, сказав это, Елена не смогла более припомнить ничего.

Кейс и Рассел торжествовали. Они подчеркнуто провозгласили себя твердо верующими в божественный дар сестры Уайт как пророка, и требовали, чтобы несчастная женщина раскаялась!

В пятницу вечером, во время семейного богослужения в другом адвентистском доме это же видение повторилось еще раз. Утром, в субботу, на служении в доме Дона Пальмера, миссис Уайт еще раз вернулась к этому вопросу. Женщина действительно поступила плохо, — но Господь открыл мне, что женщина не использовала того самого слова, в котором Рассел и Кэйс обвиняют ее. Более того, Бог показал мне, что Он был глубоко опечален жестокостью, проявленной двумя служителями и ожидал от них милосердия. [135]

Реакция верующих была поразительна. Женщина разразилась слезами, раскаялась во всем, что она сделала и просила о прощении. А Рассел и Кэйс возмутились всем тем, что было сказано в их адрес, обвинили Е. Уайт в несправедливости и подвергли сомнению истинность ее видения.

Таким образом, в июне 1853 года, возникло первое ответвление от адвентистов, соблюдающих субботу (Лофборо, "Возникновение и прогресс", стр. 188-192). Эти двое людей вскоре начали издавать журнал, в котором нападали на братьев Уайт и других руководителей. От названия этого издания — "Вестник истины", они и их последователи дали название и всему своему движению — "Партия вестников".

К тому времени Джеймс Уайт был серьезно болен. Сказалось систематическое перенапряжение. Неизбежность смерти была настолько очевидна, что он решил оформить на имя жены свой первый маленький домик, построенный в Батл-Крике (РЭГ, 9 октября 1860 г., стр. 163). "Вестник" посмеялся над этим фактом, оценив его как наилучшее свидетельство тому, что Бог вскоре уберет бр. Уайт с дороги.

Когда Джеймс прочел бесстыдные насмешки "Вестника", вера его ожила, и, подобно Уиклифу в далеком прошлом, он присел на кровати и воскликнул: "Я не умру, я буду жить и возвещать дела Господни, и, может быть, еще буду проповедовать на их похоронах". (СЦ1, 95-97).

На протяжении долгих двух лет верные служители чувствовали себя обязанными защищать братьев Уайт и истину от нападков "Вестников". Но после видения, данного Елене субботним июньским вечером 1855 года в Освего штат Нью-Йорк, она попросила братьев не реагировать более на их обвинения, а лучше посвятить свое время и энергию на возвещение истины, "истины настоящего времени!" (СЦ1, 123). Именем Господа она обещала им, что если они поступят по ее совету, лидеры оппозиции начнут ссориться между собой. Она также обещала, что придет время и адвентисты (если они только будут следовать Божьему совету) увидят свои ряды удвоенными. (Лофборо, "Великое движение Второго Пришествия", стр. 325-326).

Какое-то время слова эти казались несбыточными, ибо в этом же году от Уайтов отделилась другая группа под руководством Дж. М. Стефенсона и Д. П. Холла. Они выдвинули идею о том, что возможность спасения для человека не прекратится с наступлением "грядущего века" (т. е. тысячелетнего царства). Эта концепция

отразилась и в названии нового движения — "Партия грядущего века". Стефенсон и Холл приняли субботу от Дж. Вагоннера, который прошел пятьдесят миль специально для того, чтобы рассказать им об этой истине. Сначала они осудили Рассела и Кэйса за "грубое толкование" доктрины в их "Вестнике", который они называли "вестником лжи" (РЭГ, 20 марта 1855 г. стр. 197) [136]. Но, когда Стефенсон и Холл сами стали отвергать руководство Джеймса Уайт и видения Елены, они просто присоединились к ним. "Партия вестников", казалось, росла, а вовсе не разваливалась. Но братья верили совету Елены Уайт, что "Партия вестников" (включая союзническое движение "Грядущего века") распадется в урочное время. И вот, 14 января 1858 года, Уайт опубликовал в "Ревью" сообщение, что число подписчиков на его журнал за три года возросло от одной до двух тысяч.

Конец редактора "Вестника" был омрачен. Оказавшись без читателей и без работы, он начал учительствовать в школе, чтобы было на что жить. Но не научившись прежде управлять собой, он пережил полный провал и в воспитании своих учеников. Разозлившись как-то на непослушного ученика, он выстрелил в него из ружья. Боясь суда Линча, он скрылся в неизвестном направлении. (Лофборо, "Великое адвентистское движение", стр. 326).

И все же развивалось еще одно ответвление. Оно возникло в 1858 году и по атрибутам своего внешнего поведения было названо "Партией курения и жевания табака". Употребление табака, хотя и не было условием членства, все же большинством адвентистов, соблюдавших субботу, осуждалось. Некоторые верующие, однако, нашли неподалеку от Отсега, штат Мичиган, служителя как раз себе по нраву, некоего Гильберта Кранмера, который вдохновлял их на то, чтобы придерживаться одновременно и субботы и курения. В союзе с остатками "Вестника" и группой "Грядущего века" они стали издавать журнал "Надежда Израиля", в котором неистово опровергали вдохновение Елены Уайт. Но, подобно своим предшественникам, они вскоре тоже сошли с арены текущих событий. (РЭГ, 2 сентября 1858 г. стр. 126).

Чтобы не возвращаться более к отступлениям прошлого, стоит добавить, что в 1865 году остатки этих грех групп получили некоторое подкрепление, когда служители Б. Ф. Снук и У. Бринкерхоф были отстранены от руководства церковью в штате Айова. Снук и Бринкерхоф ратовали за конгрегационалистский, независимый тип внутрицерковного устройства и выступали против брата и сестры Уайт. Так как они разместили свой центр в Марионе, штат Айова, их группа стала известной под названием "Марионская Партия". Бринкерхоф вскоре возобновил свою практику как юрист, а Снук перешел к универсалистам. Движение, начатое ими, сегодня существует под названием "Церкви Божьей Седьмого Дня", Денвер, Колорадо. (Энциклопедия АСД).

Лофборо стала известна одна любопытная и вполне возможная легенда, что все четыре ответвления печатали свои журналы на одном и том же маленьком ручном печатном станке. Согласно легенде, каждая новая группа перекупала его у своих предшественников (Д. Н. Лофборо, "Краткие личные опыты", стр. 137) [137].

Основная церковь не налагала никаких юридических или материальных санкций на тех, кто хотел отделиться. Да и вряд ли бы они сделали это, если даже и хотели бы. Однако, существовала определенная административная зависимость, с которой нельзя было не считаться. Руководители этих различных ответвлений были широко известны, ибо их имена фигурировали в "Ревью" во время их верного служения, и в отдаленных общинах на них смотрели так, как будто они все еще были непоколебимыми участниками движения. Кто мог доказать им, что они таковыми уже не были?

Далее, в 1854 году, когда огромное число христиан собралось в переполненной школе, чтобы послушать Джона Лофборо, встал вопрос: "А почему бы не использовать для этих целей большие палатки?" Тут же собрали деньги и приобрели первую. Потом решили купить отдельный тент для каждого штата, чтобы странствующие проповедники могли использовать их сообразно своим намерениям на данных территориях. В результате этого преобразования значительно увеличилось число присутствующих на собраниях и крещаемых. И вот, в Висконсине руководители "Вестника" и "Партии грядущего века" решили тоже использовать тент для своих нужд. И кто мог воспрепятствовать им?

Были и другие проблемы, которые требовали централизованной организации. А пока единственным, надежным и регулярным средством общения между братьями был "Ревью". Если служитель чувствовал побуждение поехать в какую-то область, чтобы проповедовать там, он заявлял о своем намерении в церковном журнале. Когда выходило следующее издание, он получал письма от тех верующих, у которых он мог бы остановиться, и ждал печатных откликов от людей, живущих в тех местах, куда он намеревался отправиться. Такие письма подсказывали ему, где более всего необходимы его проповеди и где успех более всего вероятен. Проще говоря, если верующие данных мест желали принять помощь определенного служителя, они давали ему знать об этом через "Ревью". Например, 21 января 1858 года в "Ревью" появилась следующая заметка:

"Не могли бы брат и сестра Уайт, или братья Лофборо и Ваггонер, или еще кто-нибудь

назначить встречу с верующими в Гилбоа (Огайо) и сообщить об этом через "Ревью"? Мы ожидали такое сообщение с каждой почтой последние шесть недель. Неужели у вас нет ни капли сострадания? Т. Д. Баллер".

Так что не без причины среди тогдашних адвентистов были служители, прозванные "путешествующими братьями". На лодках по рекам, по железной дороге, по бревенчатым мостовым и заиндевевшим тропам, чаще всего пешком, путешествовали они по всему Северу Соединенных штатов от Мэна до Миннесоты, веря, что их ведет Дух Святой [138]. И несомненно, часто именно Он вел их. Но "Бог не есть Бог неустройства" (1Кор. 14:33).

Спеша завершить работу, эти люди принимали настоящий призыв один за другим, и стремясь от штата к штату, они не успевали уточнить прежде, достаточно ли прочно укреплены в вере их новые обращенные, и сможет ли другой служитель, которому придется работать с ними, более внимательно подойти к их нуждам. Кроме этого, наряду с теми, кто был действительно призван Богом, находились, как мы видели, и так называемые "доморощенные" служители, чья работа оказывалась зачастую бесплодной. И были просто неопытные люди, которым необходим был особый совет, дабы они могли достичь зрелости.

Нужен был определенный руководящий орган, который разрабатывал бы планы и методы наиболее эффективного приложения труда служителей или, используя старое адвентистское выражение, который бы решал вопросы наиболее разумного "распределения труда".

Другой серьезной проблемой было обеспечение служителей средствами существования, т. е. проблема оплаты труда. В условиях преимущественно аграрной экономики, большинство членов имело мало "чистых денег". Некоторые самоотверженные души делали слишком ощутимые для их семейного бюджета приношения. Сара Гармон однажды отдала свой пятинедельный заработок (доллар в неделю), чтобы помочь Бейтсу. Келлог продал ферму, а Эдсон в разное время продал две фермы и стадо овец, чтобы помочь распространению Евангельской вести. Но большинство членов считали, что их служители должны содержать себя сами и если и платили им что-нибудь от себя, то предпочитали натуральную сельскохозяйственную продукцию или, что тоже вероятно, предлагали какое-нибудь поношенное пальто, но чаще они вообще ничего не давали.

Корыстные, эгоистичные побуждения выставлялись в те дни за духовные. Так как Иисус противопоставлял Себя как истинного пастыря, отдающего жизнь Свою за овец, пастырю, работающему по найму или "наемнику", бегущему при появлении волков, то многие христиане в различных общинах оправдывали свою скупость, говоря что в церкви не будет успеха, если ее будут обслуживать "наемные служители".

Следствием этого было то, что большинство служителей помимо своей проповеднической деятельности, посещений и пр., должны были зарабатывать себе на жизнь. Одни промышляли однодневным трудом, чтобы сохранять возможность передвигаться с места на место, другие занимались сельским хозяйством, выезжая в свободное время на близкие расстояния, чтобы проповедовать и снова, привязанные к своим домашним заботам, спешили назад — ситуация, которую Лофборо с горечью сравнивал с положением животного в хлеву на привязи. (РЭГ, 26 февраля 1857 г. стр. 136) [139].

В 1855 году Джон Андрус, которому пошел только третий десяток, оказался настолько изнуренным работой ради хлеба и одновременно проповеднической и писательской деятельностью, что едва не потерял зрение. У него почти пропал голос и его близкие предсказывали ему раннюю смерть. Он приехал в Вукон, штат Айова, где бывшие Восточные Адвентисты усердно осваивали богатые земли прерий.

Джон Лофборо, обращенный Андрусом, его близкий соратник, через год тоже пережил разочарование и переехал в то же место, не заметив, как сам оказался на положении лошади, привязанной к коновязи. (Лофборо, "Возн. и прогресс" стр. 176-179; 208-211).

Джон Лофборо и его жена Мэри заслуживают нашего сочувствия. Они все взвесили, прежде чем вступить на путь служения. Почти сразу же после того, как они приняли субботу, Джон почувствовал настоящий призыв проповедовать. Но он ясно видел, какие тяжелые времена начнутся для него, если он решится проповедовать, и он решил, пока не поздно, продать знаменитые оконные запоры фирмы "Арнольдз". Его сбережения поднялись до 35 долларов, что равнялось по текущим расценкам (доллар в день) плате рабочего за шесть-семь недель. Но так как он все еще сопротивлялся призыву, "капитал" его катастрофически уменьшался и спустя несколько недель у него осталась последняя монета. Пав на колени, он доверил свое будущее воле Божьей и встал с колен умиротворенным.

Вскоре после этого, Мэри попросила денег, чтобы купить ниток и спички. Джон просил ее потратить на покупки не более цента и принести ему сдачу, чтобы он не оставался совершенно без денег. С этими словами он протянул ей серебряную монету достоинством в три цента (такие монеты чеканились в период 1851-1873 гг.).

- — А что же мы будем делать дальше, Джон? — запричитала бедная молодая жена.
- — Примем призыв к служению и доверимся Господу, — ответил ее муж.

Точно также несколькими годами раньше отвечал своей жене Бейтс, видя, что она готова расплакаться.

Не успели шаги жены стихнуть на улице, в дверь постучался незнакомец и спросил, не может ли мистер Лофборо уступить ему оконные запоры фирмы "Арнольдз" за восемьдесят долларов.

Конечно же, он мог!

Когда Мэри вернулась, ее муж пел. Теперь она готова идти с ним куда угодно и доверяться Господу. Или почти готова. Жена служителя, остающаяся дома, пока муж ее путешествует неделями, не видит тех спасенных от греха душ, с которыми ее муж работает, и часто приходит к выводу, что ей не под силу выносить посвященность мужа [140]. Мэри была верна своему долгу, но иногда бремя жены проповедника становилось слишком тяжелым. И когда после долгих дней лишения она услышала об адвентистских семьях, переехавших в Вукон, чтобы свидетельствовать живущим там и попутно зарабатывать деньги на существование, она тут же воодушевила Джона присоединиться к ним.

Но зима в том году (1856) наступила рано и, когда они приехали, работать на полях было уже невозможно. А когда Джон увидел, что в этих пустынных прериях нет почти ни одного грешника, которому можно было бы проповедовать, и что даже святые повернулись к нему спиной, он забросил топор и стал молиться о том, чтобы Бог побыстрее указал ему путь как выбраться отсюда.

Брат и сестра Уайт в это время находились в Раунд Грове, штат Иллинойс, примерно в двухстах милях южнее. Елене было показано в видении положение их друзей в Вуконе. Первым их желанием было сняться с места и отправиться к ним на помощь. Внезапные холода, прервавшие обработку земли в Айове, и сковавшие также северные районы Иллинойса, вдруг сменились оттепелью. Сильные дожди превратили проселочные дороги в трясины. Вскоре дождь сменился снегом, непролазная грязь дорог подмерзла. Можно было пускаться по снегу сани. "Это знак нам, — воскликнула Елена, — Бог желает, чтобы мы двинулись в путь".

В снегопад и метель выехали они, сопровождаемые Джосаем Хартом и Элоном Эвертсом, двумя служителями, которых три года назад Джеймс рукоположил вместе с Андрюсом в доме Эвертсов. Снег сменился дождем. Наступило новое потепление. Лед стал хрупким. Их предупредили, чтобы они не вздумали переправляться через Миссисипи.

На берегу могучей реки, брат Харт остановил лошадей, встал во весь рост в санях, поднял руку с кнутом к небу и крикнул: "В Айову, или назад в Иллинойс? Мы подошли к Красному морю, пересекает нам его?"

"Вперед, доверяя Богу Израилеву", — ответила миссис Уайт. "Да, поехали", — поддержал ее Джеймс Уайт. Всю дорогу они молились. Вокруг них бурлила проступающая из трещин ледяная вода. Местами вода скрывала полозья саней почти на 30 см. Там под ней был коварный, обманчивый лед. В любой момент они могли провалиться и погибнуть подо льдом. На противоположном берегу собралась толпа. Но подобно Израилю при переходе Красного моря, наши путешественники благополучно достигли суши. [141]

Температура опять упала. Елена закуталась в енотову шубу и целых четыре дня они ехали в открытых санях навстречу морозным ветрам. В один из вечеров в гостинице они выступили перед собравшимися в фойе народом с проповедью адвентистской вести. Наконец они прибыли в Вукон.

Прием их в Вуконе был таким же холодным, как и погода. Верующие догадывались, зачем они приехали, чтобы оживить их. Восстановить их христианское посвящение. Вновь вернуть их к первоначальному благочестию.

Даже Джон Лофборо был поражен таким скорым ответом на свою молитву. Он не ожидал этого и мастерил что-то на лестнице, когда сестра Уайт подъехала в санях и с болью проговорила: "Что ты делаешь здесь, Илия?"

Джеймс с Еленой назначили собрание. А затем целую серию собраний в течение недели. Конечно слухи сделали свою губительную работу и собратьям Уайт пришлось терпеливо разъяснять "другой стороне", пока все не были удовлетворены. Вечер за вечером старые адвентистские гимны будили дорогие сердцу воспоминания. Дискуссия сама собой сосредоточилась на обещании, которое Христос дал равнодушной Лаодикийской церкви. "Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему". Затем последовало короткое видение и Елена произнесла почти невероятные слова, полученные от милосердного Бога: "Обратитесь ко Мне и Я обращусь к вам, говорит Господь, и исцелю все ваши недуги".

Как велика была такая милостивая поддержка для Мэри Лофборо! "Брат и сестра Уайт, — со слезами в голосе проговорила она, — мы забрались так далеко, что я думала, вы не найдете нас; но я рада, что вы приехали... Боже, прости меня... Я отворяю двери своего сердца: войди, Господь Иисус!" Люди исповедовались, извинялись друг перед другом, и в тот вечер собрание продлилось за полночь.

Великое дело совершилось на следующий день. Мэри обратилась с призывом к своим знакомым, те в свою очередь к своим. Наконец, Джон Лофборо встал и торжественно заявил: "Я прощаюсь со своим молотком! Я забил последний гвоздь! Впредь моя рука будет держать меч Духа и никогда не выпустит его. И да поможет мне Бог!"

Когда пришло время покидать Вукон, все искренне плакали.

Оставив Мэри на время с друзьями, Лофборо с Хартом и собратьями Уайт возвратился в Иллинойс и тут же оказался в своей стихии, проводя евангельские собрания то в одном штате, то в другом. Больше он никогда не оставлял служения до самой смерти в 1924 году. Всю жизнь Мэри оставалась его верной помощницей. Джон Андрус также вновь посвятил себя на служение, но он смог проповедовать только через несколько лет, когда к нему вернулось здоровье [142]. А пока юная Ангелина Стивенс, подруга детства, на которой он женился в Вуконе, делала все возможное, чтобы он поправился

и набрался сил.

Но проблема оплаты служителей оставалась. Более того, она даже усугубилась. Исключительно обильный урожай 1857 года привел к резкому снижению цен. Выручить деньги было почти невозможно. В апреле 1858 года, когда Андриус и Лофборо временно переселились в Батл-Крик, Андриус стал проводить в доме Лофборо уроки по изучению Библии с целью найти в Писании свидетельства, касающиеся материальной поддержки служителей. Елена Уайт было показано в видении, что в Библии есть такие свидетельства, и их задачей было найти их.

План, который им удалось тогда найти, был основан на Ветхозаветних текстах, касающихся десятины, и стиха 1 Кор. 16:2: "В первый день недели (т. е. регулярно) каждый из вас (индивидуально) пусть отлагает у себя... сколько позволит ему состояние (соразмерно)". Они назвали это установление "систематическим добровольным пожертвованием". И вот в субботу вечером 29 января 1859 года небольшая группа служителей основной церкви в Батл-Крике посоветовавшись, решила рекомендовать каждому брату от 18 до 60 лет откладывать на церковные нужды в первый день недели от 5 до 25 центов, каждой сестре, согласно той же возрастной категории, от 2 до 10 центов. Кроме того каждый должен был платить от 1 до 5 центов за каждую сотню долларов от собственности, которой они обладают. Собранные таким образом деньги должны находиться в распоряжении местных общин, главным образом, чтобы оплачивать труд служителей, когда они будут приезжать с проповедью и проводить миссионерские собрания.

Долгие годы эти систематические пожертвования сокращенно обозначали "С. П." Члены называли их в шутку "Сестра Петси". Такие пожертвования были известны и под менее точным названием "десятина". Конечно же, эти пожертвования были далеки от настоящей десятины. В продолжении еще двадцати лет не существовало системы финансирования служения посредством отделения членами десятой части своих доходов в пользу церкви. Но "систематические пожертвования" все же были важным шагом в правильном направлении. Систематические вклады позволяли адвентистской церкви предпринять по всему миру много важных дел.

Однажды уже возникал вопрос, почему организация должна помогать служителям? Чтобы ответить на него, давайте посмотрим на это с другой стороны. Служители призываются для того, чтобы служить пастве и спасти заблудших. Но как они смогут служить, если не будут получать средств к существованию? [143] Они просто не смогут заниматься церковными делами. Как члены смогут доверять им, если они не будут

уверены, что те представляют именно их церковь? И как люди спокойно будут делать вклады, если независимые руководители в любой момент могут уйти с их деньгами?

И действительно, именно проблема владения церковным имуществом окончательно убедила членов согласиться с тем, что создание централизованной организации есть наипервейший вопрос. В конце 1850-х годов адвентисты владели тремя видами церковного имущества: тентами, несколькими местными церковными зданиями и издательством в Батл-Крике, вместе с бумагой, книгами и машинами, задействованными в производстве.

Но если говорить откровенно, то на деле церковь не владела ничем.

Мы уже упоминали о том, как легко тент оказался в руках ложного служителя. Что касается церквей, то они принадлежали не общинам, которые построили их и заплатили за них, а члену, на чьи деньги то или иное церковное здание было возведено. Еще при Миллере два таких члена отпали и один из молитвенных домов, принадлежащий им, превратился в складское помещение для хранения уксуса. Церковь в Батл-Крике находилась в частной собственности С. Т. Белдена. Тем, кто продолжал противиться созданию организации, Джеймс Уайт говорил, что и эта церковь в один прекрасный момент может стать уксусным складом.

Но более всего брата Уайт беспокоил печатный станок. Это был единственный канал общения адвентистов с окружающим миром. Евангелизация зависела от книг и газет, выпускаемых на этом станке, да и все движение главным образом поддерживалось и группировалось вокруг издаваемого на этом станке периодического журнала "Ревью энд Геральд". Однако все это: здание, книги, бумага и машины юридически были собственностью брата Уайт. Он это понимал, и это угнетало его. По его собственной инициативе уже в 1856 году станок фактически был передан в руки "церкви" и на попечение издательского совета. Основные решения по поводу таких действий, как покупка в 1857 году нового станка фирмы "Адамс", были приняты на всеобщих собраниях "Генеральной Конференции", на которые приглашались члены церкви отовсюду.

На встрече в сентябре 1860 года Уайт снова напомнил братьям: "Имущество, состоящее из пожертвований... я всегда считал церковным имуществом. Но я единственный законный его владелец и потому постоянно думаю о том, чтобы передать его в руки

ответственных людей, которых вы можете назначить, и которые будут официально распоряжаться им и отвечать за него".

А что, если Уайт внезапно умрет! Власти штата Мичиган возьмут под охрану все его имущество до тех пор, пока Генри Уайт, которому в 1860 году было 13 лет, не достигнет 21 года [144]. А если он за это время оставит веру и присвоит станок себе? Или вдруг он умрет и тогда дела еще более усложнятся? Кстати, так и случилось. Генри умер в возрасте 16 лет.

Самым логичным решением было учредить официальную корпорацию. Официальную корпорацию? В те дни, когда "Ревью энд Геральд" был чем то вроде семейной переписки, Р. Ф. Котрелл, — тот самый посвященный брат, который возражал против "наречения имени", — представил в печать небольшую статью, в которой заявил, что официальное корпоративное владение станет союзом церкви и государства и адвентизм превратится в такой Вавилон, что со временем в среде его воздвигнется трон, на котором воссядет человек греха.

Вскоре он отказался от своих аргументов, мужественно признав, что они были несостоятельными. Но все же потребовались месяцы напряженных усилий со стороны Джеймса Уайт, Иосифа Бейтса, Джона Лофборо, Мерита Корнелла и других, чтобы ликвидировать тот страх, который посеял Котрелл в умах людей.

Уайт был избран охранять адвентистское имущество для всех адвентистов. Далее дело развивалось так. К концу сентября 1860 года группа руководителей и представителей из рядовых членов собрались по приглашению Джеймса в здании Батл-Крикской церкви, той самой, которой владел Белден, чтобы вплотную заняться обсуждением вопроса о церковном имуществе. Дискуссия продолжалась два дня.

"Мы не настолько спешим, чтобы не быть в состоянии выслушать доводы тех, кто нам противится", — заявил Уайт. Далее, чтобы придать этому вопросу огласку, дискуссия была напечатана в "Ревью" за 9, 16 и 23 октября 1860 года.

Буквально в самом начале Джон Андрус высказал то, что пытались высказать намеками в течение последних месяцев многие, но никто так и не смог этого сделать.

Он предложил, что для сохранения и владения церковным имуществом, церкви вовсе не обязательно быть официальной организацией. Ей нужно всего лишь выделить из среды себя представителей и создать своего рода "ассоциацию", которая и будет официально зарегистрирована. Он добавил, что такое устройство вполне соответствует принципам евангельского порядка, ибо первые христиане тоже назначили комитет из семи человек заведовать финансами и делами в церкви. Он возможно указал и на то, что существование евангельских ассоциаций, структурно отделенных от церквей, было характерно для тогдашнего американского христианства.

Такая структура, предложенная Андрюсом, выдержала проверку временем, собственность на территории адвентистской конференции даже сегодня находится в руках не самой конференции, а во власти содержащей ее ассоциации. [145]

После двухдневной дискуссии в 1860 году была принята простая конституция об издательской ассоциации (пока еще без имени). Но по законам штата Мичиган ни одна ассоциация не могла быть зарегистрирована, если не имела имени. Нужно было срочно принимать решение. Это побудило Джеймса Уайт сделать памятное заявление о безымянном отпрыске: "Мне кажется, что дитя уже настолько возросло сейчас, что оставлять его без имени крайне неудобно". Неизбежное произошло. Комитет проголосовал за то, чтобы дать имя. Но какое?

Некоторые предлагали название "Церковь Божья", другие считали такое имя слишком громким. Поступило предложение назвать ассоциацию "Адвентист Седьмого дня".

Среди девятнадцати известных членов эпохального комитета, было несколько выдающихся рядовых членов. Один из них, Ездра Бракет, еще в самом начале заявил: "Я буду стремиться к тому, чтобы церковь организовалась". Другой рядовой член, Дэвид Хьюитт, к концу дискуссии сделал замечательное предложение: "Решено, мы берем имя Адвентисты Седьмого дня". "Берем имя" звучало, однако, очень схоже с "сделаем себе имя". И, чтобы предотвратить последние сомнения тех, кто все еще противился, фраза была несколько переделана и в окончательном варианте звучала так: "...мы называем себя Адвентистами Седьмого дня".

После того, как был решен вопрос с организацией Ассоциации Адвентистов Седьмого дня, после того, как решился вопрос с названием Ассоциации, дальнейший переход к организации Генеральной конференции был относительно легким делом, хотя и здесь

были противники и недовольные. Весной 1861 года руководители из Батл-Крика рекомендовали различным рассеянным общинам организовать под именем "Адвентисты Седьмого дня". В октябре 1861 года были предприняты первые шаги к созданию Мичиганской конференции с избранием руководящего комитета конференции под председательством Иосифа Бейтса.

В течение 1862 года общины в некоторых других штатах тоже создали свои конференции. В Мичигане создание конференций завершилось в октябре 1862 года. Уильям С. Хигли, рядовой член, был избран ее первым президентом. (Спалдинг, "Происхождение и история АСД", т. 1, стр. 306).

И наконец, в мае 1863 года делегаты от всех конференций встретились в Батл-Крике, чтобы принять конституцию о создании Генеральной Конференции.

На пост первого президента Генеральной Конференции единодушно была предложена кандидатура Джеймса Уайт. Однако он отказался от этого поста [146]. Начиная с 1850 года он проповедовал, писал, убеждал, призывал всячески к "евангельскому порядку". Одним словом, он был слишком яркой фигурой во всей этой компании за организацию Церкви. И ему казалось, что приняв президентство, он даст повод некоторым усомниться в истинных мотивах его организаторской деятельности. (Спустя два года в 1865 году, он все же взял на себя обязанности президентства. В целом, он проработал в должности президента Г. К. десять лет: с 1865-1867, 1869-1871, 1874-1880 гг.).

Когда Джеймс Уайт отказался, первым президентом был избран Джон Беингтон. Это в его доме в Бакс Бридж, штат Нью-Йорк, был рукоположен Хорейс Лоренс. Беингтон служил на различных постах в методистской церкви. Затем был служителем и строителем церкви Уэсли. (Иначе, церкви методистов-эболицианистов). В 1852 году он стал адвентистом благодаря чтению "Ревью" и впоследствии стал участником строительства первого здания церкви Адвентистов Седьмого дня. Он помогал своей дочери Марфе создать первую дневную школу для адвентистских детей. В 1858 году он переехал в Батл-Крик. Много путешествовал на свои средства как служитель. После избрания в президенты он продолжал много путешествовать, проповедуя и крестя на протяжении своих двух одногодичных сроков. Никто так не знает Мичиган, говорили люди, как "отец Беингтон".

Кроме принятия конституции, избрания президента и других административных

работников, на первой сессии Генеральной Конференции была разработана система оплаты служителей — регулярная заработная плата в размере 5 долларов в неделю из фондов добровольных пожертвований. Это обязывало служителей носить с собой официальный документ, удостоверяющий их как действительных проповедников адвентистского движения, а также требующий, чтобы ни один из служителей не путешествовал из одной конференции в другую просто по собственному усмотрению или желанию местной церкви. Для его выезда необходим был вызов и согласие обеих конференций (той, из какой он едет и той, в которую он направляется).

Отныне, церкви уже не грозила опасность того, что ее служители будут связаны думами о хлебе насущном. Служитель мог посвящать полностью все свое время духовной работе. Общины легко теперь могли определить, действительно ли посетивший их служитель Адвентист Седьмого дня, или же просто свободный проповедник своих собственных взглядов. Служители могли экономить массу времени и энергии, работая в какой-то установленной области вместо того, чтобы без конца метаться по всему полю. Члены местных церквей могли обратиться с жалобой в высшие инстанции, если чувствовали несправедливость со стороны местного руководства. И каждый, в конечном счете знал, кто он есть. Он мог с уверенностью сказать: "Я Адвентист Седьмого Дня". [147]